

Повариха принесла инструменты, убрала пол и, несмотря на отказ Жун Юя, помогла ему обработать рану и наклеить пластырь. Лю Мэй не уходила, стоя в стороне словно статуя.

Цинь Хэ, из-за болезни раздражавшийся по любому поводу, долго ждал свой кофе и наконец, в ярости ворвался на кухню, увидев там троих.

— Где мой кофе?! Я что, зря деньги на вас трачу, чтобы вы тут бездельничали?!

Плечи Жун Юя дрогнули. Лю Мэй извинилась перед Цинь Хэ, объяснив, что чашка разбилась. На словах она винила Жун Юя, мол, передала ему, а он не сумел подхватить, однако смысл сказанного сводился к тому, что она сваливала вину на него. Повариха, стоявшая рядом, не осмелилась возразить.

Цинь Хэ, унаследовавший вспыльчивый нрав Цинь Чэна, не стал устраивать сцену Жун Юю, лишь недовольно хмыкнул и развернулся, чтобы уйти.

Когда Цинь Чэн вернулся с работы, Жун Юй как раз закончил писать в дневнике и собирался его убраться. Услышав, как мужчина вошёл в спальню, он поспешно закрыл тетрадь и бросил в ящик стола.

Цинь Чэн хотел поиграть со своим пугливым котиком, которого не видел весь день, но случайно заметил пластыри на двух пальцах Жун Юя.

Взгляд стал суровым.

— Малыш, как ты умудрился пораниться, стоило мне отойти буквально на пару минут?

Жун Юй первым делом спрятал руку за спину. Если он расскажет о произошедшем, это неизбежно вызовет ссору между отцом и сыном Цинь, поэтому он выбрал ложь.

— Я случайно порезался ножом, когда нарезал овощи. Всего пара царапин, но тётя повариха переживает и сама помогла их заклеить.

Цинь Чэн прищурился, заметив, как ушки котика прижались к голове, напоминая самолётные крылья. Он помнил, что у кошек так бывает, когда они чувствуют вину.

Не спеша расстегивая пуговицы рубашки, он произнёс:

— Понятно. Тогда в будущем старайся меньше бывать на кухне. Если захочешь чего-нибудь, просто скажи поварихе.

— Хо-хорошо.

— Чем ты занимался сегодня?

Жун Юй расслабился, ушки снова поднялись, а хвост за спиной начал преданно вилять. Он загибал пальцы, перечисляя дела, как школьник.

— Гулял с Сяожуном на улице, потом Цзяэнь позвал меня наверх посмотреть его рисунки. Днём я делал заметки по выпечке, а вечером... в конце помогал тётке поварихе готовить.

Цинь Чэн кивнул, понимающе протянул руку и погладил мягкие ушки котика.

— Молодец, хороший мальчик. Я спущусь вниз, ужин, наверное, уже готов.

Ушки, спина и хвост — самые чувствительные места у кошек. Жун Юй, стиснув зубы, быстро кивнул, и как только мужчина вышел из спальни, бросился в ванную.

С покрасневшим лицом он смотрел на свой хвост, который от прикосновений мужчины гордо торчал вверх, и сердито прошипел:

— Опустись! Совсем не слушаешься!

Цинь Чэн спустился вниз и сразу пошёл к поварихе. Раз Жун Юй не хочет рассказывать, значит, это было не обычное ранение.

Слуги в доме Цинь практически вырастили братьев, поэтому повариха, хоть и боялась открыть рот перед Лю Мэй, этой новой хозяйкой, занявшей чужое место, всё рассказала Цинь Чэну без утайки.

Узнав правду, мужчина сразу придумал план.

После ужина Цинь Чэн остался наедине с Жун Сяожун, чтобы «по-мужски» поговорить.

Он держал полоску вяленого мяса, давая собаке погрызть, и говорил:

— Сынок, отныне я тоже твой отец. Сегодня твоего папу подставили, так что нам с тобой нужно за него заступиться, верно?

К сожалению, Жун Сяожун не мог ответить, но Цинь Чэн решил, что он согласен. Когда собака съела большой кусок, Цинь Чэн взял машинку на радиоуправлении, другой рукой подхватил пса под живот и вышел из комнаты.

Жун Юй, уже переодетый в домашнюю одежду, с недоумением посмотрел на Цинь Чэна, который направлялся к выходу.

— Братец Цинь... Сяожун сегодня уже набегался.

Мужчина улыбнулся, потянул его к себе:

— Пойдём со мной, покажу кое-что интересное.

Жун Юй послушно следовал за Цинь Чэном в гостиную. Там Лю Мэй сидела одна и смотрела телевизор. Увидев, что они садятся рядом, она окаменела.

Цинь Чэн усмехнулся, поставил Жун Сяожуна на пол и включил машинку.

— Сынок, папа дарит тебе навороченную игрушку. Беги за ней!

С этими словами он начал управлять пультом, и машинка на большой скорости помчалась кругами вокруг дивана, а Жун Сяожун с энтузиазмом бросился её догонять.

Когда собака уже неслась к ногам Лю Мэй, Жун Юй нахмурил брови, потянул Цинь Чэна за рукав и тихо напомнил:

— Братец Цинь, остановитесь, тётя Лю не любит собак...

Но пока он говорил, машинка уже промчалась мимо женщины. Жун Сяожун, увлечённый погоней, лапами наступил Лю Мэй на ноги, отчего она вздрогнула и даже не успела закричать.

Цинь Чэн мастерски управлял машинкой, заставляя её снова и снова проезжать мимо Лю Мэй, натравливая развеселившегося пса на женщину. Та побледнела, но боялась проявить недовольство.

— Остановитесь... — Жун Юй с тревогой смотрел на окаменевшую Лю Мэй.

Цинь Чэн сделал вид, что не слышит:

— Что, малыш, ты тоже хочешь поиграть? Давай, я научу тебя.

Он притянул Жун Юя к себе, накрыв его руку своей, но сам управлять не дал.

Нажав кнопку автопилота, машинка с памятью маршрута начала круг за кругом повторять движения, а Жун Сяожун бегал за ней от души.

Цинь Чэн наслаждался моментом, но делал невинное лицо.

— Что за сломанная игрушка, совсем не слушается. Эй, малыш, ты знаешь, как её остановить?

Жун Юю было несладко, он понимал, что толку-то, ведь Цинь Чэн делает это нарочно!

Наконец Жун Сяожун устал, и Цинь Чэн с удовлетворением выключил машинку. Он бросил холодный взгляд на женщину, измотанную собакой.

Лю Мэй понимала, что это месть за утренние происки с Жун Юем, и, приняв удар, собиралась ретироваться в спальню.

Цинь Чэн, обнимая котика, резко встал и окликнул её:

— Тётя Лю, остановитесь.

Женщина замерла, медленно обернулась.

Цинь Чэн перестал улыбаться. Его резкие черты лица выглядели сурово, а взгляд был холодным.

— Любому известно, что деньги заработать трудно, а собаки этого не понимают. А некоторые собаки ещё и теряют нюх и влезают в чужую конуру.

Про вечер мне уже всё рассказали. Советую вам впредь не прибегать к таким грязным трюкам.

Я человек не слишком принципиальный, но своих людей я берегу. Если кто-то из моих действительно накосячит, я сам его проучу, мне не нужны указания извне.

Женщине стало невыносимо стыдно, она попыталась оправдаться перед Цинь Чэном.

— Сяочэн... тётя не хотела...

Цинь Чэн не дал Жун Юю остановить его и перебил:

— Что у вас на уме, мне не угадать. И ещё: даже собаку бить нужно с оглядкой на хозяина. Собака Сяо Юя очень разумная, недавно она даже спасла Сяобэя от злодеев.

Если бы в вашей душе жило хоть немного стыда, вы бы старались ладить с этим умным

животным и творить добро. Не так ли?

Женщине пришлось извиниться перед Жун Юем, а затем она, краснея от унижения, пошла наверх. Жун Юй смотрел ей вслед с виноватым видом.

Цинь Чэн похлопал его по плечу, стараясь внушить котику правильное отношение к вещам.

— Если это не твоя вина, не стоит вечно винить себя. Зачем ты так занижаешь свою значимость, глупый котик? Она просто захотела тебя унижить.

— Понятно...

— Если такое повторится, не скрывай от меня, иначе я оторву тебе твои кошачьи ушки!

Услышав этот властный и серьёзный тон, Жун Юй в ужасе прикрыл голову руками.

На следующий день, когда все ушли, Лю Мэй позвонила своему брату Лю Фэну и попросила его прийти в резиденцию Цинь.

— Я больше не могу выносить эту собаку в своём поле зрения! Брат, придумай что-нибудь, ради меня, и ради моего ребёнка!

Лю Фэн недобро поглядел на корги, дремавшего у двери в ванной:

— Я сейчас же заберу его и выброшу на какую-нибудь дорогу. Машина его собьёт — и делов-то.

С этими словами сутулый мужчина направился к собаке, чтобы схватить её.

— Нельзя! Нельзя делать так, чтобы он исчез, иначе Цинь Чэн заподозрит неладное!

— Тьфу, ну и что тогда делать?

Лю Мэй, глядя на спящего Жун Сяожуна, произнесла ледяным тоном:

— Надо просто придумать, как не давать ему подходить ко мне или чтобы он не ходил по дому.

Бонусная сцена:

Цинь Чэн: Больно?

Жун Юй: Если не трогать — не болит.

Цинь Чэн: Как это случилось? Не скажешь — начну целовать~

Жун Юй: Тогда я скажу... (краснеет)

Цинь Чэн: Вот умница, награда поцелуем~

Жун Юй: М-м-м, обманщик, братец Цинь такой плохой! (обижается)